

Тема Кирика Новгородца в переписке Н. В. Степанова и А. А. Шахматова характеризует заинтересованное отношение к творчеству древнерусского ученого передовых представителей русской науки в начале XX в. В ней есть данные, до сих пор сохраняющие научное значение, не получившие отражения в опубликованных работах. Это уточнение времени рождения Кирика. Утвердившись в науке, по данным «Учения», является факт, что он родился в 1110 г. Н. В. Степанов локализует момент рождения Кирика между мартом и сентябрем этого года, объясняя это тем, что «индикт 6644 года, когда ему минуло 26 лет, он дает 14, если бы после сентября, то был бы индикт 15» [л. 15].

Не утратила значения негативная оценка Н. В. Степановым работы П. В. Хавского о Кирике 1847 г. Для историков науки такая оценка не является неожиданной. Однако в глазах популяризаторов, которые формируют общественное мнение, это произведение до сих пор оценивается высоко. Так, М. И. Слуховский в 1973 г. рекомендовал именно его как лучшее из публиковавших «Учение» Кирика [10, с. 196]. Поэтому не лишне, уже со ссылкой на авторитет Н. В. Степанова и А. А. Шахматова напомнить, что работа П. В. Хавского содержит массу неточностей и никак не может служить образцом издания «Учения» Кирика. Из переписки следует, что именно неудовлетворенность работой П. В. Хавского, допущенные им ошибки и неточности послужили поводом для написания Н. В. Степановым обстоятельной статьи о Кирике, опубликованной в 1910 г.

Важное значение имеет понимание Н. В. Степановым и А. А. Шахматовым высокого места произведений Кирика в русской общественной мысли XII в. К сожалению, современные авторы, которые пишут на те же темы, что и их выдающийся предшественник — акад. А. А. Шахматов, игнорируют творчество Кирика. В вузовских учебных курсах, хрестоматиях по древнерусской литературе обычно не анализируется и даже не упоминается трактат Кирика, дающий четкую и точную трактовку важным научным понятиям, лежащим в основе календарной системы того времени. Вместе с тем довольно распространенным является ошибочное положение, что древнерусская «естественнонаучная литература давала вовсе не научные представления о мире» [7, с. 41].

Следуя терминологии Н. В. Степанова, неадекватное отношение к естественнонаучным представлениям, отраженным в древнерусской литературе, со стороны представителей историко-филологических наук объясняется тем, что соответствующие сюжеты (где место труду «чистолобцев») им «неприязны». По-видимому, нечто подобное сохраняется до сих пор и будет сохраняться, пока завоюют известность выдающиеся работы в области точных наук древнерусских авторов, среди которых сверкает имя Кирика. Поэтому не потеряло актуальности предложение Н. В. Степанова, поддержанное А. А. Шахматовым, об издании всех работ Кирика с обстоятельным научным комментарием.

Литература

1. Бобынин В. В. Состояние математических знаний в России до XVI века. — Журн. Министерства народного просвещения, 1884, ч. 232, № 4, с. 183—209.
2. Степанов Н. В. Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям. — В кн.: Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее — «Чтения в ОИДР»). Кн. 4. М., 1909, с. 1—74.
3. Хавский П. В. Примечания на русские хронологические вычисления XII в. — В кн.: Чтения в ОИДР. № 6. М., 1847, смесь, с. 25—40.
4. Белокуров С. А. Предисловие. — В кн.: Чтения в ОИДР. Кн. 1. М., 1917, с. III—V.
5. Степанов Н. В. Заметки о хронологической статье Кирика (XII век). — В кн.: Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 15. Кн. 3. СПб., 1910, с. 129—150.
6. Степанов Н. В. «Летописец вскоре» патриарха Никифора в Новгородской Кормчей. — Там же, т. 17, кн. 2. СПб., 1913, с. 250—293; т. 17, кн. 3; СПб., 1913, с. 256—320.
7. Кусков В. В. История древнерусской литературы. Изд. 4-е. М.: Высш. шк., 1982.
8. Симонов Р. А. Кирик Новгородец — ученый XII века. М.: Наука, 1980.
9. Симонов Р. А. Об одном разногласии в оценке «Учения» Кирика Новгородца. — В сб.: Вопр. истории естествознания и техники, 1974, вып. 1 (46), с. 41—43.
10. Слуховский М. И. Русская библиотека XVI—XVII вв. М.: Книга, 1973.

Материалы к биографиям ученых и инженеров

ОБ ОДНОЙ МАЛОИЗВЕСТНОЙ СТАТЬЕ Е. С. ФЕДОРОВА

Л. В. СМЕРНОВ [Ленинград]

Е. С. Федоров никогда не ограничивал свою деятельность лишь естественно-научными проблемами. Мировоззренческие и социальные вопросы занимали его внимание начиная с юности, когда он был активным участником «Земли и воли», и до самой кончины. Свидетельством этому, в частности, является малоизвестная статья Федорова «Перфекционизм», где излагается его понимание основных закономерностей эволюции вообще, социального развития — в частности [1, 2].

Сегодня эта статья является библиографической редкостью, ее содержание неизвестно даже многим из тех, кто специально занимается изучением наследия Е. С. Федорова. Опубликована она была лишь один раз (1906 г.) в издании, не имевшем большого распространения. Знаменательна сама история ее появления. По словам автора, впервые она была предложена в середине 70-х годов журналу «Отечественные записки», но М. Е. Салтыков-Щедрин счел невозможным ее публикацию по цензурным соображениям, а Н. К. Михайловский, бывший тогда одним из редакторов этого журнала, «нашел ее совсем несогласною со своими воззрениями на прогресс» [1, с. 25], и публикация ее не состоялась. Однако изложенные в этой статье идеи оставались в поле зрения автора на протяжении более чем 30 последующих лет его творческой деятельности. «Поглощенный все эти десятки лет чисто научными работами,— писал Федоров,— я постоянно сталкивался с темами, в ней трактующимися» (там же). В самый разгар русско-японской войны, переработав и дополнив свою юношескую работу, автор вновь представил ее к публикации — на этот раз в журнал «Русская мысль», который отклонил ее на том основании, что она-де «слишком серьезна» (там же).

И только в 1906 г., будучи уже директором Горного института, Е. С. Федоров публикует статью в «Известиях Санкт-Петербургской биологической лаборатории», руководимой известным своими демократическими воззрениями врачом, физиологом и педагогом П. Ф. Лесгафтом.

Все это не случайно. Статья (в окончательном виде она составляет 100 страниц — более 6 печатных листов) не дошла до нас в первоначальном виде, но, очевидно, умудренный в цензурных делах М. Е. Салтыков-Щедрин знал наверняка, что статья «не пройдет»; еще более понятна позиция Н. К. Михайловского, отрицавшего естественно-исторический и закономерный характер общественного развития и в корне расходившегося с воззрениями Федорова. «Русская мысль» была органом либеральной буржуазии (после революции 1905—1907 гг. — правого крыла кадетской партии), и не мнимая сложность статьи Е. С. Федорова, но ее открытая революционность сделали невозможной публикацию ее в этом журнале.

Ни в одной другой работе не выявляется с такой полнотой и так отчетливо мировоззрение Е. С. Федорова, характеризовавшееся помимо всего прочего столь типичным для выдающихся русских ученых демократизмом, глубокой нравственностью, нерастормжимым единством чисто научных исследований и гражданственности в высшем смысле этого слова.

«Перфекционизм» касается широкого круга проблем, тесно связанных между собой, переходящих одна в другую, и лишь условно можно выделить четыре основные группы: проблемы философско-методологические, естественно-научные, нравственно-

психологические и социально-политические. Именно в такой последовательности мы рассмотрим некоторые положения статьи.

Иногда можно встретить мнение, что в своих философских воззрениях Е. С. Федоров является последователем Г. Спенсера, который, как известно, был одним из крупнейших позитивистов XIX в. Федоров действительно находился под сильным влиянием идей Спенсера, но, как мы увидим далее из статьи Федорова, уже в ранний период творчества его взгляды по многим кардинальным проблемам эволюции расходились со взглядами Спенсера, однако влияние этого философа на собственную концепцию он признавал (там же). Вместе с тем, Федоров спорит со Спенсером в вопросах понимания эволюции, прежде всего социальной; он выступает против характерной для Спенсера биологизации социальных явлений. «Теперь посмотрим,— писал Федоров,— насколько закон перфекционизма приложим к явлениям социальным. Если бы эти явления были по существу аналогичными, параллельными явлениям биологическим, как это полагал Г. Спенсер, то приложимость этого закона была бы вполне очевидной. Но именно такой параллелизации допустить невозможно» [2, с. 34].

Если говорить о мыслителях, оказавших влияние на формирование мировоззрения Е. С. Федорова, было бы неверно ограничиваться одним Спенсером; мы не можем обойти вниманием его слова о том, что «для русских образованных людей всегда останутся памятными имена Добролюбова, Белинского, Пирогова, Писарева, Щапова» [1, с. 26]. В частности, выступая против энциклопедичности, понимаемой как сумма знаний, Федоров заимствует у Писарева образ ума как множества «коробочек», отчасти пустых, отчасти заполненных, но если эти коробочки имеют прочные стенки, то к человеку с таким умом мы можем обратиться за рецептом, но не за поучением и разъяснением. Не многознание, но целостность знания — вот высшая ценность в глазах Федорова. По его мнению, эта целостность имеет не только познавательное, но и социальное значение: «коробочки», наполненные частично, да еще «с прочными стенками» приводят к взаимному непониманию людей. «Не получится ли в результате то именно, чего мы опасаемся и стремимся избежать? Люди с отчасти наполненными коробочками будут успешно исполнять свои маленькие дела лишь постольку, поскольку это допустят люди, у которых все коробочки пусты, но зато в весьма неумеренной степени развиты животные инстинкты, то есть люди, по естественному ходу вещей всегда ставящиеся наверху, когда между лучшими людьми идет ожесточенная борьба из-за взаимного непонимания» (там же, с. 28). Назвать верхи царской России «людьми с пустыми коробочками и неумеренными животными инстинктами» — это явная крамола с точки зрения властей предрежущих. Так уже в самом начале своей статьи Е. С. Федоров отчетливо очерчивает свою социальную позицию.

Обратимся к анализу того, что составляет стержень статьи — к анализу существа перфекционизма. Perfect означает «совершенный», но автор предостерегает против буквального перевода этого термина; с его точки зрения, закон перфекционизма (иногда он говорит о «законах перфекционизма») есть частное выражение более общего закона — закона эволюции, который «предусматривает, что в каждом фазисе этого развития организованные существа являются все более и более приспособленными к все более и более усложняющимся внешним явлениям; но он не предусматривает, развиваются ли все веточки (древа жизни.— Л. С.) более или менее равномерно или же, напротив того, существуют особые законности в этой неравномерности» (там же, с. 44). Е. С. Федоров не только отметил эту неравномерность эволюции; он стремится отыскать закономерности этой неравномерности, если угодно — отыскать «правильности» этой «неправильности». «Под законами перфекционизма я и буду подразумевать те, которыми обуславливается это неравномерное эволюционирование и идущее параллельно с этим вымирание видов» (там же, с. 46). Нет нужды доказывать, сколь важным является такой подход для понимания противоречивости эволюции.

Для понимания сути перфекционизма важен смысл двух понятий, вводимых автором: «стройность» и «нестройность». Возникает соблазн заменить их более привычными сегодня терминами «упорядоченность» и «неупорядоченность», тем более, что второе начало термодинамики Е. С. Федоров формулирует именно в этих «своих» терминах: «естественным путем (то есть без посредства особых механизмов или стройно направленных сил) всякая стройность явлений стремится уничтожиться и замениться полной нестройностью (курсив Е. С. Федорова.— Л. С.)» (там же, с. 51). Но сохраним

подлинность авторской терминологии, тем более, что «стройность», по мысли Федорова, есть нечто большее, чем просто упорядоченность. Стройностью динамической обладают явления, процессы; именно она в первую очередь присуща явлениям биологическим и социальным. Стройность статическая, стройность строения, свойственна прежде всего кристаллам. Стройность, в частности, может быть (по Федорову) понимаема как приспособленность к условиям существования, и тогда она необходимо дополняется своею противоположностью — «жизненной подвижностью». Стройность характеризует степень приспособленности к данным условиям и, казалось бы, надежно гарантирует устойчивость существования. Но это — иллюзия: «проявляется действие общего закона перфекционизма, утверждающего, что наиболее приспособленные не являются в общей жизни наиболее прочными, устойчивыми видами, а как раз наоборот, ...Высокая степень стройности в столь постоянных условиях есть явление весьма непрочное, всегда скоро уничтожающееся при естественных условиях, так как естественные условия суть именно условия всяких изменений» (там же, с. 160—161).

Ссылаясь на данные палеонтологии, свидетельствующие о высочайшей степени приспособленности некоторых видов животных к определенным условиям, Е. С. Федоров пишет: «У некоторых из питавшихся растительною пищею вымерших животных особенно бросается в глаза необыкновенная выработанность пассивных орудий защиты: громадность роста, покрытие тела броней, щитами, иглами. Это должны были быть особенно ленивые животные; они дошли до того, что им стало лень обороняться от нападений, активная оборона и скорость стали бесполезными. Но замечательно, что особенно все такие животные как виды оказываются недолговечными; между ними, насколько я знаю, нет такого, которое пережило бы вполне даже один геологический период...» (там же, с. 56).

Из двух параметров эволюции Е. С. Федоров отдает ясное предпочтение не степени приспособленности, но способности к приспособлению; именно она обуславливает устойчивость существования вида. Способность к изменениям как залог стабильности существования — парадокс, только на первый взгляд, по сути метафизический. Напротив, для диалектического понимания действительности это очевидно. «Рассуждая логически, — пишет Федоров, — мы не можем не признать, что *именно высокая приспособленность есть главная причина скорой гибели вида... жизненная устойчивость связана со слабейшими проявлениями приспособленности, но с сильнейшей способностью к приспособлению, то есть жизненной подвижностью*» (курсив Е. С. Федорова. — Л. С.) (там же, с. 62).

Автор вводит затем понятие «биологическая свобода». «Если словом „биологическая свобода“ мы означим известную степень (вероятность) безнаказанности каждым индивидом вида отправления своих физиологических функций, ...то мы можем сказать, что этою свободою мы можем измерить степень благосостояния вида; психически это выразится чувством довольства... *Наиболее перфекционированные виды самые консервативные. Они выработались в условиях наибольшей биологической свободы. Такие именно виды надлежат вымиранию, то есть изображают из себя засыхающие стволы биологического древа*» (курсив Е. С. Федорова. — Л. С.) [2, с. 24, 25].

Внимание Е. С. Федорова обращает на себя тот факт, что, несмотря на реальность второго начала термодинамики, стройность некоторых явлений действительности (в первую очередь относящихся к жизни человека) не только не уменьшается, но остается постоянной и, более того, возрастает. Это свидетельствует о существовании каких-то иных, не учтенных ранее факторов эволюции. Для Федорова несомненно, что таким фактором является ум человека. «Отбросим мысленно этот фактор и спросим себя, представляет ли собой человек в каком-нибудь другом отношении особую высшую способность сравнительно со всеми другими живыми существами, представленными ныне существующими видами или видами, существовавшими в прежние геологические времена? Едва ли можно ответить на этот вопрос иначе, как отрицательно» [1, с. 54].

Это может показаться мелочью, не стоящей внимания, но ведь по существу Е. С. Федоров отвергает одно из основных положений христианской религии — признание существования божданной и бессмертной души человека, а это — дополнительный штрих к характеристике его мировоззрения.

Ум — не способ приспособления к данным условиям. Главное в нем — умение и степень понимания *любых* условий, если угодно — гибкость, подвижность. Именно по-

этому он становится источником жизненной подвижности человека [1, с. 63; 2, с. 10]. Столь высоко ценя ум, Е. С. Федоров-ученый со всей последовательностью и бесстрашием перед лицом истины заявляет о том, что и ум подчинен закону перфекционизма. «Ум, как имеющий свой обычный орган в организме тоже может развиваться или дегенерироваться в разных направлениях, а следовательно, действительно, не может во всем своем объеме быть признанным за вместилище жизненной подвижности» [1, с. 19].

Выше говорилось о понимании Е. С. Федоровым биологической свободы. Далее речь идет о свободе психической и свободе жизненной. Первая из них связана с возможностью реализации системы привычек, с той самой приспособленностью к стабильным условиям; вторая — со свободой от привычек, с возможностью и готовностью к перестройке всего жизненного уклада, с жизненной подвижностью. В соответствии с этим автор классифицирует души человеческие. Посмотрим, на чьей стороне бесспорные симпатии автора, и обойдемся без комментариев. «Консервативные души, — пишет Федоров, — есть те, которые в наибольшей степени были приспособлены именно к данному моменту. Они имеют все видимые преимущества: благодаря высшей стройности они обладают наибольшей психологической свободой; они в высшей мере испытывают удовольствие и наименьшей мере обуреваемы страданиями. В их душах наибольшая ясность, кристалльность, определенность» [2, с. 27].

Консерватизм естественно переходит в реакцию. Реакционные души «ради спасения хватаются за соломинку, не брезгают никакими средствами, как всякое погибающее существо, и прежде всего это выражается в исчезновении не столько стремления к истине, но и самого понятия о ней; само собой, вместе с истиной погибает и тень справедливости» [2, с. 28]. С другой стороны, «прогрессивные суть души преследуемые; в своем стремлении к высшей стройности, к „идеалу“, они нарушают стройность, уже укрепившуюся, и чем глубже укоренялась такая стройность, тем уничтожение ее требует больше жертв, требует крови. Против этих душ законы, обычаи, общественная организация; но за ними истина, справедливость, нравственная высота, высшая красота» [2, с. 29].

Социально-политический аспект эволюции — в этом центр тяжести работы Е. С. Федорова (об этом можно судить хотя бы по тому, что ему посвящена половина статьи), и доминирующая в ней идея — идея народовластия. Конечно, сегодня могут показаться наивными строки: «Развитие социальных организмов мы можем уподобить движению множества мелких телец по наклонной плоскости» [1, с. 37]. Но не будем поспешны. Гораздо важнее мысль автора о том, что отдельные частицы (тельца) могут двигаться вниз, могут стоять на месте, могут двигаться вспять — а сие небезопасно, ибо механика учит, что первым условием наибольшей производительности является равномерность и толчки — самый опасный элемент в механизме (там же, с. 37—38). Даже неискушенный читатель понимал в 1906 г., о каком механизме идет речь: о государственном и правительственном. Да и как было не понять, если, по мнению Федорова, существующая правительственная власть неразумна. «Разумная власть — это та, которая не чувствует. Согласно нашей аналогии такие умы (государственные. — Л. С.), стоя во главе правительственного механизма, заботились бы о том, чтобы общая масса правительственных телец двигалась вниз по наклонной плоскости со средней скоростью общего движения. ...На социальном языке это выражается словами „полная политическая свобода“» (там же, с. 42). Это — не полная свобода движения всех телец: те из них, которые наиболее энергично повернули бы вспять, наткнулись бы на наибольшее сопротивление: «...полную „свободу“ никак нельзя противопоставлять сильной власти. Скорее как раз наоборот, чем полнее свобода, тем сильнее власть» (там же). Самым наглядным выражением абсолютной власти правительства при полной свободе является то, что отпор реакции оказывается всею совокупностью телец, составляющих общество. «До некоторой степени можно сказать, что преобладающее число телец как бы становится правительственными тельцами; хотя они и не связаны между собою неразсторжимыми узлами, но движение таково, как будто эта связь существует» (там же, с. 43). Вряд ли идея народовластия может быть выражена более отчетливо и определенно, чем в этих словах о присвоении большинством населения правительственных полномочий.

Е. С. Федоров, обращаясь к истории прошлого и к современности, приводит примеры проявления перфекционизма в развитии общества. Первый пример — история и судьба Римской империи, второй пример — Китай. Не нужно быть чрезмерно искушенным читателем, чтобы за этими словами «Рим», «Китай» увидеть иное — «Россия». Вот что говорится о Римской империи: «Государство становилось столь стройным, что все, что выдавалось из узких определившихся рамок, все, сколь-нибудь талантливое, оригинальное, легко и систематически подвергалось уничтожению... Христиане с их особой социальной подвижностью, конечно, были людьми особенно вредными для такого государства, а потому и подвергались массовым избиениям» [2, с. 37].

Оценка, даваемая Е. С. Федоровым тогдашнему политическому режиму, существенным элементом которого были многочисленные казни революционеров, предельно однозначна: «Совершающие убийства действуют под собственной ответственностью; призывающие же и принуждающие к казни — прячутся за спины наемных убийц» (там же). Власть, прячущаяся за спины наемных убийц, — вряд ли можно найти в подцензурной печати более резкую характеристику царского самодержавия.

Е. С. Федоров объективно оценивает дарованные «свыше» реформы общественного устройства России. В социальной жизни, отмечает он, становится обычаем систематический пересмотр законоположений и норм, но при этом «существенное значение имеет то обстоятельство, кто пересматривает, учреждение ли достаточно компетентное, беспристрастное по существу (а не только юридически), или же это условие не соблюдается. Понятно, что истинное перфекционирование происходит лишь в первом случае; иначе поставленное и утвержденное решение не только не является высшим приспособлением, разрешением существующих социальных несоответствий, но, наоборот, может усилить социальное отражение, то есть проявление социальной подвижности» (там же, с. 39). Проницательное понимание социальной реальности России и здесь не подвело Е. С. Федорова: ни манифест 17 октября 1905 г., ни последующие столыпинские реформы не только не принесли успокоения стране, но, напротив, способствовали дальнейшему росту революционного движения.

Говоря об особенностях перфекционизма в Китае, Е. С. Федоров приводит (без указания источника) большую цитату, обосновывающую право на революцию, более того, обязанность ее совершения в определенных условиях — и эти «китайские» условия весьма похожи на отечественные, российские начала XX в. «Если император, в ослеплении, не услышит голоса народа, если он покусится в священный закон страны внести прихотливый личный произвол, если, вместо отеческой заботы о народе, начнет притеснять его; если вместо небесного порядка, примет за руководство только свою собственную волю, вместо того, чтобы быть образцом добродетели, станет отдавать дань пороку и тем нарушит состояние равновесия в мире и положит предел народному счастью, то он уже более не имеет права на престол, он перестает быть исполнителем высокой небесной империи, а с тем вместе и народ перестает быть обязанным ему повиноваться... Революция в Китае есть право, мало того, она есть обязанность» (там же, с. 45).

Говоря о перфекционизме в развитии российского государства, автор особо выделяет первую половину XIX в., убийственно метко характеризуя черты тогдашней общественной атмосферы: «В таком перфекционированном государстве, конечно, нет места талантливым людям, жаждущим творчества... Это время царства „Горя от ума“: ум, как элемент социальной подвижности, менее всего уместен в такой период. Такие люди подвергались особенно безжалостному искоренению, без выражения сожаления со стороны социальной массы, строй которой они стремились нарушить, но это же и царство „мертвых душ“...» (там же, с. 48). Касаясь истории развития прогрессивной общественной мысли в России того времени, Е. С. Федоров с нескрываемой болью пишет: «Ясно, что преследованиям, ограничениям и стеснениям может подвергаться только ум творческий. История творческих умов есть сплошной мартиролог» (там же, с. 49). Разные способы есть для усмирения инакомыслящих. Один из них — цензура. По его мнению, цензура всегда служила «... или 1) для утверждения личного узурпаторства или 2) для прикрытия казнограбительства. Другой цели это учреждение, благодаря которому даже великие писатели попадали под контроль полуграмотных чиновников, никогда не имело, а выставление этих других целей в мотивах законодательств разных стран есть обычная юридическая ложь» (там же, с. 45).

Поясняя собственное понимание общественного развития, места и роли в этом процессе сознательной деятельности человека, доходящей порой (как сказали бы мы сегодня, «в экстремальной ситуации») до необходимости самопожертвования, автор прибегает к аллегориям. Иногда, отмечает он, проводят аналогию между жизнью и пламенем. «Закон перфекционизма вкладывает в эту аналогию новое содержание. Пламень есть стройность, которая может поддерживаться лишь целесообразным процессом. Но он есть и процесс разрушения того материала, который его питает. Пламень жизни есть непрерывная жертва; и тот из нас, кто в наибольшей мере участвует в этой жертве, вернее всего сохранит огонек для последующих поколений. Кто не участвует в жертве, от того света и тепла не сохранится» (там же, с. 58).

В завершающей части статьи содержится, в частности, и ответ на вопрос о собственном федоровском понимании отношения его эволюционных идей к философской концепции Г. Спенсера. Автор пишет, что среди мировоззрений, покоящихся на естественно-научном основании, выделяются две ветви — «оптимистическая», связанная с именем Спенсера, и «пессимистическая» — мечниковская¹. «Система Г. Спенсера есть философия оптимистическая; она говорит о том, что все в мире подвержено эволюции, то есть выработыванию высших стройностей; решение всех вопросов по этому мировоззрению сводится к пониманию того, что есть высшая стройность, высшее приспособление и что достигнутое есть нечто самое прочное, самое устойчивое; непрерывно развиваясь дальше, все это делается еще прочнее и устойчивее...

Все содержание этого труда (т. е. „Перфекционизма“.— Л. С.) сводится к опровержению мировоззрения первого рода. Рассматривая условия развития всесторонне, мы всегда видели, что эволюция идет не непрерывной полосой вверх, а уподобляется тем разветвлениям, которые мы наблюдаем при кристаллизации из растворов.

Не все ветви кристаллического вещества растут равномерно, а как раз наоборот: почти все ветви одна за другой погибают, то есть прекращают свой рост, немедленно же как встречаются более благоприятные условия для кристаллизации. Наиболее „жизненными“ окажутся веточки, которые, благодаря условиям высыхания раствора, непрерывно будут поддерживать наибольшую скорость своего роста; и это самые жалкие, не индивидуализированные, так сказать, неформенные, кристаллизующиеся, но не окристаллизованные массы...

...Нежные, неустойчивые фигуры роста первенствуют, когда дело идет о движении, о жизни, о вечных и непрерывных переменах: кристалл — это есть эмблема смерти, равновесия, неподвижности» (там же, с. 59—60).

Итак, не следование идеям Спенсера, но прямое их опровержение — вот что следует из работы Федорова. И сколько объективно-научной безжалостности к предмету своих занятий — кристаллу, да, пожалуй, и к самому себе как ученому: сказать, что любимый и главный предмет собственных исследований — символ смерти. Но для естествоиспытателя смерть такое же естественное состояние, как и жизнь; ее нужно не бояться, но исследовать. «Оптимизм» спенсеровского типа — это псевдооптимизм, закрывающий глаза на реальность, ищущий успокоения в прочной незыблемости и не понимающий главного: прочно и жизненно только то, что подвижно. «Смысл всех оптимистических мировоззрений, на почве естественно-исторической эволюции, сводится к признанию наибольшей прочности кристалла, то есть стройности высшего совершенства. Но почему-то творцы этих мировоззрений систематически просматривают тот факт, что это достигается в моменты смерти. Пока же жизнь кипит ключом, развиваются исключительно формы неустойчивые.

По этой причине введенные в естественную философию понятия прочного, устойчивого как высшей задачи жизни, я считаю глубоко ошибочными. Это задача смерти. Жизнь имеет дело только с неустойчивым.

Жизнь никогда ничего не достигает окончательно, а вечно стремится достигнуть. Вот истинная философия природы!» (там же, с. 60).

Вот таким мажорным и не мнимо, а подлинно оптимистическим аккордом заканчивается статья Е. С. Федорова.

¹ Трудно согласиться с Е. С. Федоровым в том, что мировоззрение, представленное И. И. Мечниковым, — «пессимистическое». По-видимому, такое прямолинейное определение есть не более чем «издержка полемики» со Спенсером.— Л. С.

К основному тексту примыкает небольшое, но очень значащее дополнение, не привести которого нельзя: автор пишет, что вскоре после написания вышеизложенного в России «произошли и продолжают происходить грандиозные события, необходимость которых предусматривалась как логический вывод.

Обращая внимание к будущему, можно предусмотреть, что та временная форма строя, которая установится на некоторый промежуток времени, будет весьма неустойчивой, хотя она до некоторой степени удовлетворит наиболее сильные, т. е. организованные элементы, но совершенно не удовлетворит наименее организованные элементы общества, которым принадлежит будущее.

И в последующем перевороте, которого мы не переживем, повторится то же самое.

Борьба с этим обстоятельством есть борьба не с какими-то формальными юридическими „законами“, а с действительными законами природы, то есть бесповоротно осуждена на бессилие» (там же, с. 62—63).

Озабоченностью судьбами Родины, пониманием непродолжительности стабилизации общественного строя после революции 1905 г., симпатией к «наименее организованным элементам общества», которым тем не менее принадлежит будущее, веет от этих слов. В одном ошибся Е. С. Федоров: он дожил и до Февральской, и до Октябрьской революции; но он безусловно прав в одном, главном: реакция «бесповоротно осуждена на бессилие». Академик Е. С. Федоров остался верен убеждениям своей революционной молодости.

Литература

1. Федоров Е. С. Перфекционизм.— В кн.: Известия Санкт-Петербургской биологической лаборатории. Т. VII. Вып. 1. СПб., 1906.
2. Федоров Е. С. Перфекционизм.— Там же. Т. VII. Вып. 2. СПб., 1906.

А. А. ИНОСТРАНЦЕВ КАК ПАЛЕОГЛЯЦИОЛОГ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНИХ ЛЕДНИКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Н. П. КРАЙНЕР [Ярославль]

Имя профессора Петербургского университета, члена-корреспондента Академии наук Александра Александровича Иностранцева (1843—1919) хорошо известно. Однако его вклад в изучение древних ледниковых образований Севера России недостаточно освещен в литературе.

Начало научной и педагогической деятельности А. А. Иностранцева относится к 70-м годам прошлого столетия, когда продолжалась борьба между сторонниками ледниковой и рифтовой теорий. Еще не был опубликован классический труд П. А. Кропоткина «Исследования о ледниковом периоде» [1]. Особенно бурно проблема оледенений обсуждалась в 1869—1875 гг., когда А. А. Иностранцев занимался геологическими исследованиями на Севере Европейской России. В 1869 г. на заседании Отделения минералогии и геологии Петербургского общества естествоиспытателей П. А. Кропоткин сообщил об открытии им следов древнего оледенения в Восточной Сибири [1]. В 1871 г. Ф. Б. Шмидт доложил о своих исследованиях послетретичных осадков в Эстляндии и сравнил их с подобными же отложениями Швеции [2]. В 1873 г. П. А. Кропоткин сделал доклад о поездке в Финляндию и Швецию для изучения древних ледниковых образований [3]. На заседаниях Петербургского общества естествоиспытателей часто выступал В. В. Докучаев. 14 ноября 1877 г. он сообщил «о распространении эрратических валунов в России и характере наших южных наносов». В. В. Докучаев резюмировал: «...судя по характеру наших южных наносов и месту их залегания, за ними нужно признать смешанное происхождение — то морское, то глетчерное, то пресноводное, то наземное» [4, с. 111]. П. А. Кропоткин, Ф. Б. Шмидт и В. В. Докучаев оказали значительное влияние на формирование научных взглядов